

УДК 81.42

А.Ю.Фетисов

Санкт-Петербург, Россия

МЕТАФОРА В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА И СУБЪЕКТИВНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Работа выполнена в русле исследований, затрагивающих тематику взаимодействия субъекта и текстовых сущностей, а точнее — проблему понимания текста. Предметом изучения избраны особенности функционирования метафоры в научном тексте, цель работы — установление критериев идентификации метафоры с учетом того, что свойства и функции метафоры не могут рассматриваться отвлеченно от ее непосредственного погружения в текстовый материал, что выводит к более глобальной проблеме — субъективности лингвистического исследования. В ходе работы применялись методы контекстуального анализа и дискурс-анализа с элементами лексикографического анализа лексического прототипа.

Известно, что научный текст избегает фигуральных выражений, однако определенную степень насыщенности научного текста метафорическими выражениями отрицать нельзя. При изучении текстов научного содержания, тем не менее, вызывает сложность определение выражения как метафорического, т.е. возникает *проблема понимания* метафоры. На выявление в тексте метафоры влияет специфика текстового материала, например, стиля. Наряду с *критерием истинности*, принцип идентификации метафоричности по словарям мог бы стать достаточным основанием для выделения метафоры в научном тексте. Основание истинности позволило бы выделить сам факт переноса (небуквального словоупотребления), а с помощью словаря идентификацию выражения как метафорического можно было бы закрепить, установив источник переноса. Для реципиента-лингвиста характерны все те же особенности, которые присущи любому другому реципиенту, в частности, неизбежная неадекватность понимания. Но понимание при этом является самоцелью, а путь к этой цели — интерпретационный (лингвистический) анализ. Лингвист-исследователь осознает свою субъективность и зависит от этого, поскольку вынужден выработать систему критериев, которая способствовала бы «объективной научности» его исследования. Если в лингвистическом анализе учесть единство информационного поля и выделить систему опорных критериев, в дальнейшей работе постоянно используя их, то тогда субъективность реципиента-лингвиста становится величиной, которой можно в известной степени пренебречь.

Ключевые слова: метафора; метафорическое выражение; научный текст; понимание; дискурс-анализ; адекватность понимания; лингвистический анализ; проблема идентификации; субъективность.

Сведения об авторе: Анатолий Юрьевич Фетисов, доцент кафедры перевода.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена.

Контактная информация: 191186, г. Санкт-Петербург, Наб. р. Мойки, д. 48, к. 14; e-mail: anatoly.fetisov@gmail.com

Свойства и функции метафорического выражения не могут рассматриваться отвлеченно от непосредственного погружения в текстовый материал. Допустим, текстовым материалом служат научные статьи. Особенности научного текста, его стилистические и структурные характеристики наделяют некоторыми специфическими чертами и его текстовые элементы, в частности метафору.

Считается, что научный текст избегает фигурального выражения смысла, в том числе и метафорического. Однако это не означает, что метафора в научном тексте не встречается. Уже при первом приближении можно увидеть некоторую степень насыщенности научного текста метафорическими выражениями. Но метафора есть одно из неоднозначных понятий, и ее наличие в том или ином случае может представ-

ляться спорным. Утверждая, что в научном тексте в каждом данном случае присутствует метафора, мы имеем в виду, что наблюдаем выражение, обладающее, на наш взгляд, метафорической сущностью. Иными словами, в каждом из случаев, рассматриваемых как употребление метафоры в научном тексте, мы усматриваем присутствие семантического переноса по сходству признаков. При изучении текстов научного содержания, однако, часто возникают сложности при определении выражения как метафорического, т.е. возникает *проблема понимания* метафоры.

Указанную проблему можно рассматривать с различных позиций: философских, психологических, лингвистических. В отношении последнего аспекта особого внимания заслуживают прагматические характеристики дискурса.

Так, известно, что ключевыми в рассмотрении дискурса являются категории участников коммуникации, под которыми понимаются «отправитель сообщения» и «получатель сообщения». Само сообщение при этом есть элемент, придающий смысл необходимости ситуации сообщения [7. С. 39]. В других терминах система выглядит следующим образом: отправитель — реципиент — текст. По-видимому, каждый из компонентов «отправитель — реципиент» так или иначе влияет на понимание элементов текста.

Понятие «текст» может толковаться по-разному. В рамках этой статьи будем придерживаться узкого толкования, при котором исключается из рассмотрения устная речь: «...это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из ... ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [5. С. 18]. Текст предстает сложным целым, функционирующим как структурно-семантическое единство.

Исследователи в области текста и его понимания (Г.А.Антипов, Вяч.Вс.Иванов, Н.М.Разинкина, П. Рикер и др.) отмечают возможность считать текст очерченной в ситуации совокупностью знаний, в которую погружены коммуниканты, неким информационным полем. В этом поле существуют два информационных разнонаправленных потока: от отправителя к реципиенту, и наоборот. Со стороны отправителя происходит порождение текста, со стороны реципиента — его понимание. С пониманием соотносят понятие адекватности. Адекватность понимания предполагает полное совпадение знаний, переданных через текст отправителем и осознанно присвоенных (понятых) реципиентом, при этом подчеркивается, что понимание есть именно осознанное присвоение воспринимаемой информации [6]. Таким образом, неадекватностью понимания следует считать несоответствие присвоенных и переданных знаний.

Передача информации и ее понимание есть деятельность акты, поскольку предполагают наличие таких компонентов как мотивы, цели и задачи, хотя они и не всегда полностью осознаются коммуникантами. Поскольку теория деятельности утверждает всеобъемлющий ха-

рактический осмысленности действия в сознательном поведении человека, то представляется уместным использовать некоторые ее положения в рассмотрении проблемы понимания, коль скоро последнее есть осмысленное, осознанное присвоение информации. Итак, психология, а вслед за ней психолингвистика, выделяют в деятельности следующие составные части: мотив деятельности, побуждающие импульсы, цель и задачи как необходимые компоненты успешного действия, планомерность; средства и способы действий. Кроме того, деятельность всегда погружена в какие-то условия своего протекания, которые так или иначе влияют на выбор средств, способы их использования, а также на целеполагание, планирование и мотивацию [12].

Мотивом и к созданию текста, и к его пониманию может выступать потребность общаться. Средства, которыми располагают участники коммуникации, представляются также сходными, если не общими: это язык — вербальные знаки письменного текста. Способы декодирования этих знаков также должны быть общими и известными для обоих коммуникантов, в противном случае коммуникация не состоится. Далее мы видим, что существенное отличие деятельности автора от действий читателя наблюдается в сфере целеполагания: с одной стороны — порождение текста, с другой — его понимание; создание, продуцирование информации — присвоение этой информации. Таким образом, получается, что при различии компонентов цели и, следовательно, задач, другие компоненты — мотив, средства, способ — так или иначе совпадают у обоих коммуникантов. Поэтому можно предположить, что именно сфера целеполагания может каким-то образом влиять на неадекватность понимания. А коль скоро цели коммуникантов разнонаправлены, т.е. принципиально различны, и кроме того, индивидуальные особенности реципиента никогда не позволяют его знаниям полностью совпасть со знаниями отправителя, то неадекватность понимания предстает неизбежным явлением в процессе коммуникации. Другое дело, что в большинстве случаев существует и стремление коммуникантов свести эту неадекватность к минимуму. Мы не случайно вводим в обсуждение такой компонент деятельности как условия ее протекания. Условиями коммуникации, а стало быть передачи и понимания текста, можно считать фоновые знания коммуникантов, степень их заинтересованности и даже их социальный

статус и состояние здоровья. Но невозможно удовлетворительно учесть все эти факторы. Что более существенно, так это возможность принять сам текст за условия, в которые погружена деятельность коммуникантов. Этому удовлетворяют два пункта: во-первых, текст представляет собой единое для коммуникантов информационное поле, то общее ментальное пространство, в котором существуют и работают оба сознания — порождающее и приобретающее информацию. Во-вторых, текст является данностью, которую можно рассматривать как материал лингвистического исследования, в отличие от мыслительных процессов коммуникантов, где требуется специальный эксперимент.

Таким образом, неадекватность понимания, которой никогда не удастся избежать при прочтении текста, тем не менее, имеет границы, очерченные информационным полем текста. Это информационное поле, по-видимому, может поддаваться какому-то определенному расширению и допускать колебания внутри своих значимых составляющих. Примером таких колебаний может служить перевод художественного текста или его пересказ: перевод или пересказ часто сужают или, наоборот, увеличивают текстовый объем, но так или иначе стремятся сохранить содержание, информационное поле и его направление. Так, известно, что на русский язык произведение Л.Кэрролла *«Alice in Wonderland»* переводилось/пересказывалось более десяти раз разными авторами, и даже в название сказки вносились авторские интерпретации (ср. напр., «Аня в стране чудес» в пер. В.Набокова и «Приключения Алисы в волшебной стране» в пер. А.Рожественской), но разброс смысловых нюансов при этом был незначительным и варьировался в основном за счет лексико-грамматических средств выражения авторских каламбуров и прочих случаев игры слов. При прочтении художественного текста без перевода, впрочем, также возможны неоднозначные ассоциативные толкования, часто с большим диапазоном колебания.

Думается, что сходные явления наблюдаются и в плане научного текста. Но здесь существует определенное ограничение — избегать непонятного и двусмысленного. Этого правила придерживается автор, избирая языковые средства для изложения своей мысли; об этом помнит и читатель, воспринимая колебания в своем понимании как недопустимые либо имеющие свои определенные границы (если, конечно, он вообще

заметит за собой какую-либо, по его мнению, неточность в понимании прочитанного).

Следует добавить, что при чтении художественного текста собственно понимание часто отходит на второй план и уступает место пониманию эстетической значимости произведения. Понятно, почему толкование романа или поэмы может так варьироваться — у каждого свои ценности. При работе же с научным текстом наиболее полное адекватное понимание предстает как самоценность такого рода деятельности. Требования прозрачности изложения, его экономичности и достаточности, стремление к его максимально адекватному пониманию делают научный текст более прозрачным для наблюдения таких сторон языка и стиля, которых научный текст избегает. Думается, что некоторый контраст между общим фоном научного изложения и фигуральным выражением подчеркивает особенности метафоры. Логичный и бесстрастный (в идеале, по крайней мере) научный текст лишь упрощает исследование характерных свойств метафоры.

Интересно, что среди работ по вопросу понимания есть непосредственно посвященные пониманию метафоры. Так, В.В.Петров считает, что так называемая поэтапная модель понимания предстает если не устаревшей, то для метафоры, по крайней мере, неприемлемой. Он предлагает понятие параллельной интерактивной обработки языкового элемента (в частности, метафоры), что предполагает одновременное взаимодействие знания на уровнях синтаксиса, семантики и прагматики [10]. Механизм понимания метафоры в этой концепции принципиально ничем не отличается от обработки буквальных выражений, с чем, впрочем, сложно не согласиться. В известной степени положения В.В.Петрова входят в противоречие с мнением, что понимание метафоры есть в какой-то степени мысленное отслеживание того пути (т.е. от этапа к этапу), который привел к ее созданию. То есть реципиент, используя свой личный опыт, обрабатывает результаты чьего-то сравнения и приходит к тому же, что и создатель метафоры, заключению об отношениях метафоризируемых сущностей [14. С. 108]. Возможно, это противоречие между интерактивной и поэтапной моделями понимания метафоры преодолимо, если вспомнить, что понимание следует отличать от интерпретации. Тогда, и в самом деле, понимание, которое предполагает прежде всего психические процессы, *одновременно*

подключающие области припоминания, узнавания, знаний и ассоциаций, можно считать интерактивным движением мысли.

Интерпретация же очевидно поэтапна, она выводит на поверхность возможные уровни и ступени понимания, которые приводят к тому, что А.А.Шахнарович и Н.М.Юрьева называют «то же заключение» (см. выше) об отношениях метафоризируемых сущностей. «То же заключение» предполагает, иными словами, что автор и читатель думают об одном и том же, соответственно, создавая и понимая метафору. «То же заключение», таким образом, можно соотнести с понятием информационного поля, единство которого для автора и читателя позволяет последнему не сомневаться в правильности (адекватности) своего понимания, допуская при этом колебания в деталях.

Поль Рикер подробно останавливается на разграничении понятий «понимание» и «интерпретация». Он называет понимание «искусством постижения значения» и говорит, что интерпретация объективна, развернута, эксплицитна в сравнении с одномоментным пониманием. Он отождествляет интерпретацию с объяснением и пользуется этими терминами как синонимами [15. С. 141]. Таким образом, одномоментное понимание и поэтапная интерпретация имеют единую цель — присвоить информацию. Тем самым интерпретация сближается с пониманием относительно своей цели.

Когда исследователь-лингвист работает с тем или иным текстовым материалом, он по сути является реципиентом того сообщения, которое заложено в исследуемом тексте. Другое дело, что специфичность поставленных перед лингвистом целей требует всякий деятельностный акт понимания развертывать в интерпретационную цепочку. Но, так или иначе, для реципиента-лингвиста характерны все те же особенности участника коммуникации, которые присущи любому другому реципиенту, в частности, неизбежная неадекватность понимания. Здесь понимание будет самоцелью, а путь к этой цели — интерпретационный (лингвистический) анализ. Лингвист-исследователь не просто субъективен в своем понимании, он осознает эту субъективность и в некотором роде зависим от этого, поскольку принужден выработать систему критериев, которая способствовала бы «объективной научности» его исследования. Если в лингвистическом анализе учесть единство информационного поля и выделить систему опорных

критериев, в дальнейшей работе постоянно используя их, то тогда субъективность читателя-лингвиста становится величиной, которой можно пренебречь.

Необходимость обращаться к проблеме субъективности лингвистического анализа продиктована в нашем случае прежде всего тем, что наш предмет — метафора — обладает не четкими, но вероятностными границами. То, что для нас является метафорой, таковой может не быть в другой системе критериев (ср. напр., «нос корабля» как стертая *метафора* и как элемент *полисемии*). Поэтому мы и выработываем эту систему, в прямом смысле обосновывая наш исследовательский материал. Лингвистическое исследование несвободно от произвольных оценок и допущений, но их можно считать мало значимыми, если лингвистический анализ не отвлекается от однажды установленных принципов. Мы рассмотрели проблему неизбежности субъективизма в лингвистическом исследовании, тесно связанную с деятельностным актом текста и текстового элемента. В данном случае под текстовым элементом понимается метафорическое выражение.

Итак, существует необходимость выработать систему, которая способствовала бы четкому выделению метафорического выражения в научном тексте и дальнейшему изучению особенностей метафоры в данном типе текста. Метафорическое выражение нуждается в более определенной идентификационной системе, которая учитывала бы и дискурсивные аспекты. Одним из этих аспектов является необходимость минимального и достаточного контекста для понимания того факта, что перед нами метафора. На порождение, существование, а следовательно, и выявление в тексте метафорического выражения влияет и специфика текстового материала, в нашем случае — особенности научного стиля.

Характеристики научного стиля хорошо описаны и не нуждаются в подробном изложении: научный текст представляется *сознательно* обезличенным, повествование ведется с использованием пассивных конструкций, безличных оборотов и вводных слов и выражений. Сознательность подчеркивается неслучайно: поскольку считается, что научное изложение должно быть лишено некой личной заинтересованности, постольку авторы научных работ стремятся излагать только факты, наблюдаемые и проверяемые, т.е. осуществляют произвольный отбор

таких языковых средств, которые позволили бы изложить материал или мысль в наиболее «чистом» — эмоционально нейтральном — виде. В случае выдвижения гипотез и доказательств прибегают к логическим построениям, часто основанным на формальных элементах, стремясь таким образом избежать субъективного, т.е. неприемлемого в науке и научном изложении. Это стремление к логизму и требование применять только обоснованные доказательства без спорных допущений привели к тому, что научный стиль видится избегающим или даже вовсе лишенным языковых элементов, из-за которых логика склонна считать естественный язык «несовершенным»: полисемии, омонимии и т.п., в том числе фигуральности любого рода, в частности, метафоры. Помимо этого наука и язык науки считаются сферой, где царствует интеллект, где эмоциям, экспрессии нет места, или они не должны мешать главному — работе и изложению мысли. А поскольку метафорой считают прежде всего такой элемент, который наделен экспрессивной, эмотивной функцией, то в научном стиле ее поверхностно рассматривают как недопустимую и неупотребляемую. Отметим, однако, что и в научном тексте «несовершенства» языка не просто допустимы, но подчас обязательны. Так, в работах по экологии часто можно встретить элементы объемом до сверхфразовых единств (развернутые метафоры), используемые в качестве моделей тех явлений, которые не могут наблюдаться невооруженным глазом, а потому требуют для своего пояснения переноса по сходству признаков.

Рассмотрим пример: *The estuary, however, is not a passive way station, but a combination tollgate and indoctrination centre that extracts its fees from the transients and imposes a new way of life on the survivors of the passage* (Advances in Geophysics, Vol.22:130). Понятие *estuary* сравнивается с пропускным пунктом (*tollgate*), все высказывание выводит на поверхностный уровень компоненты, на основе которых проведена аналогия (*extracts its fees from the transients*). Благодаря такому объяснительному выражению, где экспликация еще подкреплена доводом от противного (*not a passive way station*), строится целостное представление, образ, причем абстрагированные компоненты становятся еще и примерами для интерпретации природы понятия *estuary* (устье *estuary* есть пропускной пункт *tollgate*, потому что совершает некоторую работу, схожую, по мнению автора текста, с тем, что проис-

ходит на пропускном пункте). Такая уровневая системность позволяет говорить о попытке интерпретации теории, выдвинутой в данной научной статье и посвященной конкретным процессам в конкретном геологическом объекте. Весь пример может быть принят за своего рода дефиницию, образность которой лишь способствует пониманию изучаемой сущности, и является попыткой автора найти приемлемые пути истолкования/моделирования изучаемой сущности.

Мысль подчас выступает как нечто настолько цельное, многогранное и нечеткое, что автору научного труда приходится выбирать: либо излагать мысль — с безусловным ущербом для нее — сообразно требованиям стиля, либо привлекать для ее выражения все возможные и необходимые средства, которыми располагает язык. Вербализованная, выраженная в словах мысль так или иначе — неполная мысль, но естественный язык, при условии, что мы пользуемся им во всей его полноте, способен хотя бы отчасти выразить то, что мы думаем и чего мы хотим. Метафора в этом смысле выступает как явление, полнее отражающее мысль, в ней наблюдается некоторая двуплановость или даже многоплановость, цельность и синкретизм того образа, который она выражает. Причем эта цельность предстает как неразделимая, и анализ метафоры с поиском двух сравниваемых сущностей и общих признаков не имеет ничего общего с тем неделимым образом, который рождается при метафоризации. Таких положений придерживается большинство исследователей в различных областях, так или иначе затрагивающих проблему мышления (в том числе физиологи — И.П.Павлов, Н.Бехтерева). Согласимся, таким образом, с тем, что метафора в научном тексте не просто приемлема — синкретизм метафорического образа делает ее необходимой в научном повествовании.

При исследовании проблематики понимания в научном тексте метафоричности как таковой и для более полного разрешения вопроса субъективности лингвистического анализа полезным будет противопоставление понятий истинности — неистинности (ложности) или, в других терминах, фигуральности — буквальности смыслов. Истинность представляется центральным для метафоричности понятием. Например, Э.Ортони утверждает, что суть метафоры — в ее ложности при буквальном прочтении [9. С. 219]. Дж. Серль говорит о возможности сказать что-то в метафорическом смысле, хотя буквально

такое выражение бессмысленно, и он разграничивает понятия «значение предложения» и «значение (высказывания) говорящего», соотнося с ними буквальность — небуквальность: значение предложения ложно при намерении (интенции) говорящего передать значение своего замысла небуквальными средствами [13. С. 307].

Таким образом, при буквальном прочтении метафорическое выражение ложно. Приведем в качестве примера терминологическое выражение *electromagnetic field*. Выражение принадлежит к сфере электромагнитной физики и описывает элемент того, что, например, Н.Д.Арутюнова называет «невидимым миром». Описываемая сущность никак, очевидно, не является «полем» в буквальном смысле: не является частью ландшафта, не покрыто травой и вообще чувственным опытом (по крайней мере, глазами) не наблюдаемо. Другое дело, что, изображенное схематически, оно («поле» — *field*) обладает признаками, схожими с буквальным «полем»: по-видимому, обширностью и относительно плоской (в схеме) конфигурацией, что дало возможность первым исследователям этого явления применить к нему наименование «*field*». В этом случае «*electromagnetic*» и общеконтекстуальный пункт (научное изложение физических реалий) служат основанием для небуквального прочтения всего выражения. Если исходить из того, что высказывание ложно, когда в нем используются имена вещей, которые на самом деле не имеются в виду, то такое высказывание можно принять за метафору. Разумеется, при этом необходимо выполнение общего требования метафоричности: имя переносится с вещи на вещь на основании сходства этих вещей. Н.Д.Арутюнова, которая изучала метафору в различных аспектах и проявлениях, указывает на свойство истинной оценки быть градуированной, что сближает истинность с понятием подобия (аналогии). Тем самым в сферу истинности привносится элемент сравнения: действительность сопоставляется с существующими у человека представлениями и образами, а степень сходства говорит и о степени истинности [2. С. 543]. А коль скоро для истинности возможно применять понятия сравнения и подобия, то и понятие метафоры вполне уместно рассматривать с позиций истинности, и в примере, приведенном выше, возможно увидеть метафоричность: некая сущность названа именем, свойственным другой (перенос имени), на основе некоторого их (сущностей) подобия (пе-

ренос по сходству), при буквальном прочтении выражение выглядит как нонсенс, стало быть, соблюдается еще одно метафорическое правило — логическая неистинность.

В научном тексте нередко можно встретить выражения, вроде приведенного примера, и все они «истинны» по одному-двум очевидным признакам, и ложны, а иногда абсурдны с точки зрения так называемого «обыденного сознания» [8. С. 387]. Нельзя ли в таком случае сделать заключение, что раз метафора и истинность так тесно взаимосвязаны, то метафорическим в научном тексте можно считать выражение, неистинное в буквальном прочтении? Возможно, это и верно, но необходимо сделать одно замечание: следует установить тот фон, на котором будет проявляться в научном тексте истинность — неистинность. Во-первых, элементом такого фона следует признать упомянутое обыденное сознание. Для языка науки слово «*field*» является общепризнанным термином, и только специальная точка зрения позволяет, как в нашем случае, усмотреть в нем движение мысли (перенос наименования). Современная научная терминология сформировалась позднее того, как устоялось обыденное словоупотребление, следует отметить, что язык постоянно меняется, и то, что вчера было буквальным, сегодня становится метафорическим, и наоборот. Поэтому, устанавливая истинность критерием идентификации метафоры в научном тексте, следует оговориться, что имеется в виду современный этап развития языка и современное обыденное сознание. Как правило, в языковом отношении обыденность отражена в словарях — толковых и двуязычных (не терминологических). Словарная статья дает значения словоупотреблений в том порядке, который отражает их общепринятость, и первым значением часто выступает то, которое составители словаря считают наиболее употребительным. Часто, но не всегда, поскольку лексикографический труд также не лишен субъективности и из нескольких общепринятых вариантов значений первое может быть выбрано произвольно (об этом говорят сравнительные работы по лексикографии) [1. С. 35]. Итак, наряду с *критерием истинности* (с оговоркой, что имеется в виду современный языковой срез), принцип идентификации метафоричности по словарям, т.е. *лексикографический критерий*, мог бы стать достаточным основанием для выделения метафоры в научном тексте. Основание истинности позволило бы выделить сам факт

переноса (небуквального словоупотребления), а с помощью словаря идентификацию выражения как метафорического можно было бы закрепить, установив источник переноса.

Лингвистическое исследование метафоры в научном тексте затрагивает вопрос необходи-

мости установления системы критериев идентификации метафорического выражения, что приводит непосредственным образом к более глобальной проблеме — субъективности лингвистического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов Г.А., Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Архипов И.К. О принципах идентификации переносных значений // *Studia Linguistica*: Сб. науч. ст. Вып. 4 / Отв. ред. В.М.Аринштейн, Н.А.Абиева. СПб., 1997.
4. Бехтерева Н.П., Бундзен П.В., Гоголицын Ю.Л. Мозговые коды психической деятельности. Л., 1977.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
6. Иванов Вяч.Вс. Ассиметрия мозга и динамика знаковых систем // *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т. 1. М., 1998.
7. Йоргенсен М., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры* / Ред.-сост. Н.Д.Арутюнова. М., 1990.
9. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // *Теория метафоры* / Ред.-сост. Н.Д.Арутюнова. М., 1990.
10. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к содержательному анализу // *Вопросы языкознания*. 1990. № 3.
11. Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы. М., 1978.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1998.
13. Серль Дж. Метафора // *Теория метафоры* / Ред.-сост. Н.Д.Арутюнова. М., 1990.
14. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. К проблеме понимания метафоры // *Метафора в языке и тексте*. М., 1988.
15. Ricoeur P. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling // *On Metaphor: Essays based on a simp. "Metaphor: the conceptual leap"*, in Febr. 1978 / Ed. by Sheldon Sacks. Chicago; L., 1978.

REFERENCES

1. Antipov G.A. Teskt kak yavleniye kulturni [Text as a cultural phenomenon]. Novosibirsk, 1989 (in Russian).
2. Arutiunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of man]. Moscow, 1999 (in Russian).
3. Arkhipov I.K. O printsipakh identifikatsii perenosnykh znacheniy [On the principles of identifying figurative meanings] // *Studia Linguistica*. Collected works. Issue 4. Saint-Petersburg, 1997 (in Russian).
4. Bekhtereva N.P., Bundzen P.V., Gogolitsyn Yu.L. Mozgoviyeye kody psikhicheskoy deyatel'nosti [Brain codes of mental activity]. Leningrad, 1977 (in Russian).
5. Galperin I.R. Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Moscow, 1981 (in Russian).
6. Ivanov V.Vs. Assimetriya mozga i dinamika znakovykh system [Brain asymmetry and dynamics of sign systems // *Selected papers on semiotics and cultural history*. V. 1. Moscow, 1998 (in Russian).
7. Jorgensen M., Phillips L.J. Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Khar'kov, 2008 (in Russian).
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By // *Teoriya metafory*. Edited by N.D.Arutyunova. Moscow, 1990 (translated into Russian).
9. Orton E. The role of similarity in similes and metaphors // *Teoriya metafory*. Edited by N.D.Arutyunova. Moscow, 1990 (translated into Russian).
10. Petrov V.V. Metafora: ot semanticheskikh predstavleniy k sodержatenomu analizu [Metaphor: from semantic representations to the content analysis] // *Voprosy yazykoznaneya*. 1990. № 3 (in Russian).
11. Razinkina N.M. Razvitiye yazyka angliskoy nauchnoj literatury [Development of English academic literature]. Moscow, 1978 (in Russian).
12. Rubinstein S.L. Osnovy obshchey psikhologii [Basics of general psychology]. Saint-Petersburg, 1998 (in Russian).

13. Searle J. Metaphor // Teoriya metafory. Edited by N.D.Arutyunova. Moscow, 1990 (translated into Russian).
14. Shahnarovich A.M., Yurieva N.M. K probleme ponimaniya metafory [On the problem of understanding metaphors] // Metaphora v yazyke i tekste. Moscow, 1988 (in Russian).
15. Ricoeur P. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling // On Metaphor: Essays based on a simp. "Metaphor: the conceptual leap", in Febr. 1978 / Ed. by Sheldon Sacks. Chicago; L., 1978.

A. Fetisov

Saint-Petersburg, Russia

METAPHOR IN ACADEMIC DISCOURSE - UNDERSTANDING TEXTS AND SUBJECTIVENESS OF LINGUISTIC ANALYSIS

Abstract. A research on metaphors found in academic discourse implies the necessity of the development of metaphor identification criteria. Metaphor cannot be discussed adequately without understanding its connections with a wider text material, and this fact leads to a deeper problem – subjectiveness of linguistic/discourse analysis. Academic discourse, taken as a material of the research, is considered to be lacking figurative expressions, however, metaphors in this type of text often occur. The identification of an expression as metaphoric reveals itself as a problem of understanding the text. Arguing that academic texts in any given case contain metaphors, we mean that there is an expression which, in our opinion, is a metaphorical entity. However, when studying academic texts, it is quite difficult to define a metaphoric expression, which means there is a *problem of understanding* the metaphor. The specifics of text material, such as style, affect the identification of metaphors occurring within. Along with the *criterion of truth*, the principle of identifying the metaphors using dictionaries would be a sufficient basis for identifying a metaphor in academic texts. The base of the truth would highlight the transfer of meaning (non-literal use of language means), and using a dictionary we could fix the identification of a metaphor by identifying the source of transfer. A linguist recipient is characterized by all the same features that are inherent to any other recipient, in particular, the inevitable inadequacy of understanding. However, understanding is a goal by itself, which a linguist is achieving through interpretative (linguistic) analysis. A linguist researcher is aware of its subjective features and he or she depends on them, as one has to develop a system of criteria leading to the “objective scientific character” of the study. The criterion of truth conditions of utterance combined with the lexicographic analysis proves to be relevant and sufficient. If the discourse analysis takes into account the unity of the theme field, and is based on a system of relevant identification criteria, the results can be viewed as consistent, and subjectiveness of such analysis appears to be ignorable.

Keywords: metaphor, metaphoric expression, academic discourse, text, understanding, discourse analysis, adequacy of understanding, identification problem, subjectiveness.

About the author: Anatoliy Yurievich Fetisov, Associate Professor at the Department of Translation and Interpreting.

Place of employment: Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg.